

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030034

«Красное золото» Эптона Синклера и Петра Павленко: история несостоявшегося советско-американского романа

© 2024 г. О. Ю. Панова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а,
профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>
olgapanova65@mail.ru

Резюме. 16 апреля 1938 г. американский писатель Эптон Синклер отправил в редакцию советского журнала «Интернациональная литература» письмо, в котором делился замыслом нового романа «Красное золото» и просил найти ему соавтора. В письме Э. Синклер привел подробный синопсис романа: в основе сюжета должна была лежать история молодого американского инженера, который в середине 1920-х отправляется в Сибирь, чтобы с помощью американских технологий наладить золотодобычу на приисках Лены, и знакомится там с русской девушкой-большевичкой. Под влиянием возникшего чувства и идейных споров с подругой начинается «перековка» американского «спеца», который постепенно теряет веру в капитализм как наиболее эффективную общественно-экономическую систему. Советская сторона находит для Э. Синклера соавтора — крупного советского прозаика П.А. Павленко. Между будущими соавторами началась переписка, в которой обсуждались ход работы и детали будущего романа. Проект курировала Иностранная комиссия Союза советских писателей, сотрудники которой отчитывались перед партийными и государственными органами (ЦК партии, Наркомат иностранных дел). Письма П.А. Павленко прочитывались и редактировались в разных инстанциях, от Союза писателей до отдела печати ЦК. Тем самым Э. Синклер, по сути, вел переговоры и споры не просто с будущим соавтором, а с советской литературно-идеологической машиной. В силу разных идейных установок и творческих расхождений, которые все резче обозначались в ходе переписки, Синклер вскоре принял решение отказаться от создания романа. В статье рассматриваются контекст и истоки замысла романа, на основе сохранившихся в фондах РГАЛИ материалов, реконструируется история неудавшегося творческого проекта.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>

Ключевые слова: советско-американские литературные связи, Э. Синклер, П.А. Павленко, соавторство, эпистолярный, архивные материалы.

Для цитирования: Панова О.Ю. «Красное золото» Эптона Синклера и Петра Павленко: история несостоявшегося советско-американского романа // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 33–44. DOI: 10.31857/S1605788024030034

“Red Gold” by Upton Sinclair and Piotr Pavlenko: Unwritten Soviet-American Novel

© 2024 Olga Yu. Panova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia,
Professor at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1 build. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>
olgapanova65@mail.ru

Abstract. On April 16, 1938 Upton Sinclair sent a letter to the editors of the Soviet magazine *International Literature*, in which he shared the idea of a new novel *Red Gold* and asked to find him a co-author among Soviet writers. In his letter U. Sinclair gave a detailed synopsis of the novel: the plot was to be based on the story of a young American engineer who in the mid-1920s goes to Siberia to provide Soviet gold mining with the American technology. There on the banks of the river Lena he meets a Russian Bolshevik girl and they fall in love. As an American “bourgeois specialist” he used to believe that capitalism is the most effective social and economic system; his belief, however, was shaken in the course of ideological disputes with his girlfriend, and the Great Depression of the 1930s increased his doubts. Soviet partners proposed Piotr Pavlenko as co-author, and the writers began to exchange letters, discussing their future work and various details of the planned novel. The project was supervised by the Foreign Commission of the Soviet Writers’ Union; its functionaries reported to party and government organs (the Central Committee of the Communist Party, the People’s Commissariat of Foreign Affairs). Letters signed by Pavlenko were read, edited and approved at several levels of Soviet bureaucracy, from the Writers’ Union to the Press Department of the Central Party Committee. Thus, Upton Sinclair, in fact, negotiated and argued not just with his co-author, but with a hierarchial administrative body with a strict chain of command. Due to the obvious discrepancy between his own and Soviet attitudes, Sinclair soon decided to abandon the idea of a “collective novel”. The study is based on the materials from the funds of the Russian State Archive of Arts and Literature (RGALI).

Acknowledgements. The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant No. 23-18-00393 “Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century”, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>

Key words: Soviet-American literary connections, U. Sinclair, P.A. Pavlenko, co-authorship, correspondence, archived materials.

For citation: Panova, O.Yu. “Krasnoe zoloto” Eptona Sinklera i Petra Pavlenko: Istorii nesostoiavshegosia sovetsko-amerikanskogo romana [“Red Gold” by Upton Sinclair and Piotr Pavlenko: Unwritten Soviet-American Novel]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 33–44. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030034

16 апреля 1938 г. американский писатель Эптон Синклер отправил в редакцию журнала «Интернациональная литература» письмо, вызвавшее и в «ИЛ», и в Союзе советских писателей большое волнение. Синклер делился замыслом нового романа и просил найти ему соавтора, без которого, как он уверял, создать этот роман не получится.

Эптон Синклер стал известен в России задолго до Октября 1917 г. — первые публикации относятся к 1906 г., когда вышли сразу несколько переводов его романа «Джунгли» (под названием

«Дебри», «Чаша»)¹, а первое (четырёхтомное) собрание сочинений появилось в 1912–1913 гг. (СПб., издательство «Прометей»). Первые российские контакты Синклера также относятся еще к дореволюционному времени. В отечественных архивах хранится, например, его переписка

¹ В фонде «Коллекция вещественных доказательств, изъятых жандармскими учреждениями при обысках редакций газет и отдельных лиц, 1864–1917» есть рецензия (без указания имени автора) на разоблачительный роман «Джунгли» (ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 1. Ед. хр. 4646).

с князем Кропоткиным (1912–1917)². При советской власти добродушно-снисходительная оценка Ленина – «социалист чувства, без теоретического образования»³ – служила индульгенцией для американского писателя, которого, несмотря на его «заблуждения» и «идейную незрелость», высоко ценили в 1920-е как симпатизанта СССР и критика плутократии. С ним переписывались Горький, Луначарский и Сталин. На протяжении двух советских довоенных десятилетий Синклер был в первой тройке современных западных писателей по популярности, количеству изданий и объему тиражей: каждый год выходило от 5-ти до 20 книжных наименований в разных издательствах, частных и государственных, не считая публикаций в периодике. В 1924–1926 гг. и 1930–1932 гг. было выпущено два 12-томных собрания его сочинений. Еще большее значение имели многочисленные отдельные издания, в том числе в «дешевых сериях» для рабочего читателя. Масив советской критики 1920–1930-х о Синклере впечатляет. Оценки разнились – от восторженных похвал до поношений (за пацифизм, близорукость, идеализм, ренегатство и особенно за его участие в губернаторских выборах в Калифорнии 1934 г.). За два десятилетия прошло несколько кампаний по возвеличиванию и шельмованию Синклера, но всегда в СССР он считался масштабной и очень значимой фигурой.

Синклер в свою очередь также испытывал интерес к Советскому Союзу, что неудивительно: его левые убеждения сформировались рано (он вступил в Социалистическую партию Америки в 1902 г.)⁴ и были глубокими и устойчивыми. Первый свой творческий проект, связанный с СССР, Синклер предпринял в 1930-м, когда в США находились Сергей Эйзенштейн, Григорий Александров и Эдуард Тиссе. Синклер, решивший избавить великого советского режиссера от тирании Голливуда, выступил в роли продюсера задуманной Эйзенштейном картины о Мексике, вменив себе в обязанность финансирование проекта, менеджмент и организацию проката. Это был трагический и разрушительный для Синклера опыт. Неудачная киноэпопея, продлившаяся три года, материально и морально опустошила писателя, подорвав его здоровье и веру в людей (особенно американских коммунистов) (см.: [1]).

² ГА РФ. Ф. 1129. Оп. 2. Ед. хр. 147, 2274.

³ Статья В.И. Ленина «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» (1915).

⁴ Синклер был в Социалистической партии в 1902–1934 гг. (с перерывом на 1917–1920), с 1934 г. – в Демократической партии, от которой и баллотировался в губернаторы Калифорнии.

Примечательно, однако, что в обширной переписке, которую Синклер вел в 1931–1932 гг. в связи с этим проектом, писатель неоднократно жалуется, что мексиканская картина разрушила все его планы, в том числе и задуманную поездку в СССР. Синклер собирался написать роман о советской индустриализации и рассчитывал на месте ознакомиться с реалиями советской жизни, собрать материал. В Советский Союз Синклер так никогда и не приехал (хотя там в 1931-м побывал его сын Дэвид, выполнявший в том числе и поручения отца, касавшиеся общения с Совкино), роман об индустриализации так и остался ненаписанным. Тем не менее нереализованный замысел, видимо, продолжал волновать воображение писателя. И вот через семь лет он снова вернулся к идее романа на советскую тему:

Уже давно я обдумываю идею романа, действие которого будет проходить частью в США, частью в СССР. Осуществить этот замысел мне мешает то обстоятельство, что я ни разу не был в Советском Союзе и не знаю русского языка. Развитие фабулы требует материала, который чрезвычайно трудно почерпнуть из литературы на английском языке, и вот мне пришла в голову мысль: быть может, кто-нибудь из советских писателей захотел бы сотрудничать со мной в этой работе, и таким образом участвовать в создании настоящего произведения интернациональной литературы⁵.

Так начинается длинное и обстоятельное письмо Синклера в редакцию «Интернациональной литературы». В нем подробно изложен хорошо продуманный синопсис будущего романа, который Синклер предполагал назвать «Красное золото»:

Предполагаемое название вещи – «Красное золото». В нашей ультра-буржуазной стране всякое начинание, преследующее интересы социальной справедливости, немедленно вызывает обвинения реакционных элементов в том, что оно финансируется Советским Союзом, и таким образом заголовки «Красное золото» содержит в себе некоторую игру слов.

Действие романа начинается в США в 1924 г. Главный герой, молодой инженер Джеральд Эванс, работает в крупной фирме «Амальгамейтед Электрик», он влюблен в дочь председателя кампании Люси Райт и пользуется взаимностью. Джеральд – способный молодой человек, добрый, честный, но ограниченный в своих воззрениях, считающий американскую промышленную систему идеальной. Люси Райт – «типичная молодая американка из праздного класса, высокомерная, послушная условностям и строгая

⁵ Здесь и далее все цит. из письма Э. Синклера редакции «ИЛ» от 16 апреля 1938 г. даны по: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 78. Л. 140–151.

в суждениях». Она «хладнокровно изучает» Эванса как будущего мужа, а ее отец с интересом следит за их отношениями.

К мистру Райту является коммерческий представитель СССР и предлагает «Амальгамейтед Электрик» построить для СССР драгу (судно-землечерпалку) для золотодобычи, которое будет доставлено на золотые прииски Лены группой американских рабочих и инженеров. Под их руководством начнется работа по добыче золота. Когда его будет получено достаточно, американцы вернутся в США и вручат плату золотом администрации «Амальгамейтед Электрик».

Соглашение достигнуто. Мистер Райт предлагает Джеральду Эвансу руководство этим предприятием, и тот с энтузиазмом соглашается.

«Экспедиция приезжает на берег Лены. К их приезду ничего не приготовлено... Кругом саботаж, предательство, все трудности начальной стадии нового общественного порядка. На прииск приезжает девушка-коммунистка, которая должна организовать школу и учить грамоте местную детвору. Она не знает английского языка, а американцы не знают русского, но они учатся друг у друга. Девушку зовут товарищ Ваня, она... горячо предана делу рабочего класса, неопытна, но полна решимости; видя беспорядок и неразбериху, царящие кругом, она принимается налаживать то одно, то другое и постепенно из школьной учительницы становится чем-то вроде чрезвычайного комиссара». Постепенно она организует не только школу, но и колхоз, поскольку нужны продукты, и становится «главной опорой американцев».

«Для Джеральда Эванса она совершенно новый тип. Его забавляют ее усилия добиться невозможного — ведь он в глубине души уверен в бесплодности принципов коллективизма. Нужно, чтобы был хозяин, и нужно, чтобы он знал, что дело, которым он занят, принесет ему прибыль. Но девушка нравится Джеральду... Постепенно между ними завязываются отношения, в которых любовь сочетается с политическими спорами и борьбой двух личных волей». Джеральд втягивается в круг ее забот и интересов. Он, сам не замечая того, впитывает новые идеи, хотя по-прежнему убежден, что только в Америке умеют по-настоящему делать дело, а капитализм с частной собственностью — единственная эффективная общественная система. «Джеральд думает о высокомерной и рассудительной молодой женщине, ожидающей его в Америке, он знает, что не должен влюбляться в фанатичную большевичку, которая наверняка сделает его несчастным; но все это не мешает их сближению».

«Драга начинает работать, и количество добываемого золота превосходит все ожидания». Налаживается сообщение с Москвой, в колхозе снимают урожай, открывается школа. Ваня «сломила саботаж и вредительство», и теперь она мечтает о «сепараторах, тракторах и клубе с патефоном и кинобудкой».

Выясняется, что Ваня ждет ребенка, и ее отношение к этому становится для Джеральда потрясением. «Она не требует, чтобы он женился на ней, и не считает себя опозоренной. Она держится с большим достоинством. Он — свободный человек, говорит она, и, без всякого сомнения, его место на родине... Она расспрашивала его о девушке в Америке, и он ей все рассказал; она считает, что его долг — вернуться в Америку и там решить, которая из двух женщин занимает большее место в его жизни. А у Вани в Сибири дела много, и она не станет тратить времени на сожаления».

Джеральд всеми силами оттягивает отъезд и возвращается в Америку с самой последней партией золота для «Амальгамейтед Электрик». «Он едет к своему хозяину, чтоб отчитаться — сначала перед ним, потом перед его дочерью. Он рассказывает Люси всю правду. Она не возмущается, не обвиняет его в вероломстве, но искусно допрашивает его, зондирует его мысли. Она... хочет знать одно — любит ли он еще эту чужую девушку-большевичку». Люси — современная женщина с ясным умом и «держится тех взглядов, которые разделял и Джеральд до своего отъезда из Америки. Он же за это время изменился», «сам стал чем-то вроде большевика», и «те самые споры, которые в свое время происходили между Джеральдом и Ваней, теперь повторяются между ним и Люси».

Джеральд доволен, что вернулся к благам американской цивилизации, но в то же время чувствует пустоту, его угнетает атмосфера «кулиджевского процветания», безудержная жажда наживы и удовольствий. В Америку приезжает Ваня с делегацией для изучения системы американского образования. Джеральд, встретившись с ней, просит ее выйти за него замуж и остаться с ним в Америке. Ваня отказывает ему и, уезжая на родину, приглашает его приехать в Россию посмотреть на их ребенка.

В Америке начинается кризис, дела фирмы идут все хуже, и Джеральд, «в котором уже не видят будущего мужа председательской дочери», лишается своего места в «Амальгамейтед Электрик». «Он поступает на государственную службу и отправляется в Форт Нокс, в Кентукки, принять участие в проектировании гигантского

хранилища для золотого фонда»⁶, «который американское правительство скопило и теперь не знает, куда девать».

«Джеральд задумывается о том, какой странный и нелепый, в сущности, путь совершило у него на глазах это золото. Оно было извлечено со дна далекой сибирской реки, привезено в Сиэтл, обработано и очищено, затем передано в банк, оттуда перевезено в казначейство США, а теперь будет снова зарыто в землю в Кентукки. Затрачен огромный труд, а для чего? Не проще ли было оставить это "красное золото" под водами сибирской реки вместо того, чтобы похоронить на другой стороне земного шара?» В конце романа «Джеральд сидит у края ямы, в которой должно совершиться погребение, и размышляет о двух женщинах и двух цивилизациях. Америка получила золото, а русские получили ценное оборудование, так что, похоже, Россия больше выгадала на этой сделке».

Э. Синклер хотел, чтобы его соавтор написал те части, где действие происходит в России, а он сам — те, что относятся к Америке. Советский автор должен был получить всю прибыль от советского издания книги, а американский — от англоязычного издания; прибыль от переводов на другие языки предполагалось делить пополам. Свое письмо Синклер завершил словами: «...книга послужит высокой цели — облегчить взаимное понимание народам, представляющим две в корне различные цивилизации».

Обращение к теме золота не в последнюю очередь было продиктовано тем фактом, что Синклер жил в Калифорнии, которая еще со времен золотой лихорадки середины XIX в. была крупным центром золотодобычи. Кстати, в ноябре 1938 г. Синклер прислал своему будущему соавтору важный, по его мнению, источник информации для романа — письмо инженера

большой калифорнийской компании-производителя оборудования для золотодобычи. Откликаясь на просьбу Синклера, специалист подробно объяснял в письме устройство и принцип работы золотопромышленных драг, а также сообщал прочие полезные технические детали⁷.

Первое письмо Синклера в редакцию «Интернациональной литературы» датировано 16 апреля, а в мартовском выпуске (3-й номер за 1938 г., с. 7–9) советского иллюстрированного пропагандистского журнала "Sovietland" (1933–1940), распространявшегося в Британии и США, размещался материал "Soviet Gold" («Советское золото») о советской золотодобывающей промышленности, снабженный фотографиями, которые вполне могли бы служить иллюстрациями к синопсису «Красного золота». Вполне вероятно, что знакомство с этим материалом стало последним толчком, побудившим Синклера изложить на бумаге свой замысел нового романа и отправить письмо в Москву.

Еще одним непосредственным источником для Синклера, скорее всего, была книга Джона Литлпейджа «В поисках советского золота» (*In Search of Soviet Gold*. New York, Harcourt & Brace, 1937). Американский горный инженер Джон Дикинсон «Джек» Литлпейдж (John D. Littlepage, 1894–1948) работал в СССР почти десять лет и даже занимал должность замначальника главка «Союззолото»⁸. На работу в СССР его пригласил Александр Павлович Серебровский (1844–1938), профессор Московского горного института и будущий начальник «Союззолота». Серебровский, которому Сталин (прочитавший Брета Гарта и еще несколько книг о калифорнийской золотой лихорадке) поручил реформировать советскую золотопромышленность, познакомился с 33-летним Литлпейджем во время своей командировки на Аляску. Литлпейдж (как он рассказывает об этом в своей

⁶ Хранилище золотого запаса США в Форт-Нокс (шт. Кентукки) находится под управлением министерства финансов и располагается возле военной базы. Здание-крепость из стали, бетона и гранита тщательно охраняется полицией Монетного двора США, пространство между стенами и ограждениями заминировано. Строительство хранилища было начато в 1935 г. на территории, переданной под постройку военными, и завершено в 1936 г. Целью строительства было перемещение золота, находившегося на побережьях страны (в частности, в Нью-Йорке и Филадельфии), в максимально защищенную от вражеского вторжения местность в глубине материка. Первая перевозка и закладка золота состоялась в начале 1937 г. В годы Второй мировой на хранение также были отправлены другие ценности, в том числе экспонаты Библиотеки Конгресса США (оригиналы Конституции США, Декларации независимости, статьи Конфедерации, нескольких речей Линкольна, Библия Гутенберга и др.).

⁷ Э. Синклер — П. Павленко. 12 ноября 1938 г. РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 913. Л. 60–63.

⁸ 31 октября 1921 г. был принят Декрет Совнаркома «О золотой и платиновой промышленности», который объявлял месторождения драгоценных металлов государственной собственностью, однако с целью роста золотодобычи и пополнения золотого запаса казны давал право частным предприятиям и отдельным старателям вести поиск и добычу золота. До 1927 г. в СССР работали более десяти золотодобывающих предприятий; ведущим госпредприятием было «Главзолото». Учреждение «Союззолото» (Всесоюзное золотопромышленное акционерное общество, осн. в мае 1927), объединившее золотодобывающие тресты, усилило контроль государства за отраслью. В ноябре 1930 г. «Союззолото» было реорганизовано во Всесоюзное государственное объединение «Цветметзолото»; это ознаменовало окончательную ликвидацию частного предпринимательства.

книге) вначале отказался от предложения Серебровского, заявив, что не любит большевиков, которые имеют привычку расстреливать инженеров (имелось в виду Шахтинское дело). Но Серебровский сумел его убедить, и с мая 1928 г. Джек Литлпейдж, переименованный в Ивана Эдуардовича, приступил к работе в Советском Союзе. Советская золотопромышленность развивалась стремительно, и уже через шесть лет добыча золота в СССР превысила добычу в США и всей Британской империи. За свой труд Литлпейдж был награжден Орденом Трудового Красного знамени и автомобилем ГАЗ-А (советский «Форд»). Он сумел покинуть СССР осенью 1937 г. и по возвращении опубликовал серию статей для газеты “Saturday Evening Post”, легшую в основу книги, где он описал дальневосточную и восточносибирскую золотую лихорадку.

Книга получила широкую известность; Синклер, несомненно, прочел ее и использовал как важный источник для разработки сюжета будущего романа. Вообще же статьи, очерки и книги американских инженеров, участвовавших в советской индустриализации, уже к концу 1930-х составили обширный корпус, и Синклер не только читал немало таких мемуаров, но и был знаком с некоторыми специалистами, работавшими в СССР. На их рассказы он ссылается в своей дальнейшей переписке с советскими корреспондентами по поводу проекта «Красное золото».

И в советской, и в западной левой литературе в 1920–1930-е сложилась традиция романов, описывавших перевоспитание и перерождение буржуазного специалиста в результате опыта работы в СССР. В качестве примера можно назвать роман американской коммунистки Майры Пейдж (наст. имя Дороти Марки, 1897–1993) «Московские янки» (1935) и, конечно, нашедший роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу» (1932–1933)⁹. Одновременно с тем, как Э. Синклер и его советские корреспонденты обсуждали замысел «Красного золота», в столичном журнале «В бой за технику!» печатался роман А.Р. Беляева «Под небом Арктики» (№№ 4–7, 9–12 за 1938 г. и 1, 2, 4 за 1939 г.): один из героев этого романа, чернокожий американский рабочий Джим, приезжает из Флориды работать на советский Крайний

⁹ Англ. перевод: Jasienski, B. *Man Changes His Skin*, transl. by H.G. Scott. Moscow, Leningrad, Co-operative Publishing Society of Foreign Works in the USSR, 1935. В 1936 г. этот перевод был опубл. в США, в коммунистическом издательстве “International Publishers”. В СССР вышло десять прижизненных изданий – т.е. роман переиздавался каждый год до ареста Б. Ясенского в 1937 г.

Север, «где проходит рабочий путь от бетонщика до шахтера и где общение и совместная работа с советскими людьми по успешному преобразению сурового края меняет и его самого – его отношение к труду и планы на будущее» [2, с. 121].

В СССР 1930-х годов понятие «перековки» применялось не только к буржуазным рабочим и «спецам»; оно бытовало и в советской пенитенциарной системе¹⁰, а также, в широком смысле, обозначало процесс создания нового, советского человека. В писательских кругах это понятие нередко оказывалось тесно связано с практикой коллективного создания литературных текстов, художественных и публицистических. Коллективное производство литературы практиковалось в рамках рапповского призыва ударников в литературу, горьковской литучебы¹¹. Хрестоматийный пример «перековки» и коллективного творчества – поездка писателей на стройку Беломорско-Балтийского канала, в ходе которой «инженеры человеческих душ» должны были не только наблюдать и описывать, но в первую очередь перестраиваться, «перековываться» сами. Итогом опыта стала книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства, 1931–1934 гг.» (М.: ОГИЗ, 1934) – совместный труд 36 советских писателей под редакцией М. Горького (см.: [3]). Другие известные примеры – инициированный М. Горьким проект по созданию серии книг «Истории фабрик и заводов»¹² или книга М. Горького, К. Горбунова, М. Лузгина «Болшевики – Очерки по истории болшевицкой имени Г.Г. Ягода трудов коммуны НКВД» (М.: ОГИЗ, 1936.) (см.: [4, с. 242–293]; [5]; [6]). Еще одним монументальным советским проектом

¹⁰ «Перековка» была популярным названием для лагерных газет. Существовали, например, газета «Перековка» – орган управления Соловецких и Карело-Мурманских исправительных лагерей, «Перековка на Волгострое» – орган КВО управления ВОЛГОЛАГА НКВД СССР. Газета «Перековка» издавалась также на стройке Беломорско-Балтийского канала.

¹¹ В своем докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей М. Горький, в частности, сказал: «В стране нашей идет работа над Историей фабрик и заводов <...> Нам нужно знать историю прошлого союзных республик. К этим и многим другим коллективным работам можно привлечь сотни начинающих писателей, и эта работа предоставит им широчайшую возможность самообразования, повышения квалификации путем коллективной работы над сырым материалом и взаимной самокритики» (Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. С. 18).

¹² См.: А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов. Сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 336 с.

было создание книги «День мира» под руководством М. Горького и М. Кольцова. Книга «День мира. 27 сентября 1935 г.» с богатым иллюстративным материалом, объемом почти в 600 страниц вышла в издательстве «Жургаз» в 1937 г., уже после смерти Горького. Сибирскому краю, который должен был стать местом действия «Красного золота», была посвящена коллективная книга «Мы из Игарки», задуманная школьниками этого городка. В декабре 1935 г. они написали М. Горькому письмо, где рассказали о замысле написать про этот город в Заполярье, построенный на вечной мерзлоте. Горький поддержал идею и предложил план будущей книги. Письмо поддержки пришло и от Р. Роллана (оно было помещено в предисловии к книге, посвященной истории проекта). Вышел этот коллективный опус также после смерти М. Горького в 1938 г. (см.: [7]).

Учитывая специфику советской традиции, очевидно, что представления о процессе совместного сочинительства и его задачах у двух потенциальных соавторов — американского и советского — радикально отличались¹³, как и условия творчества. За советским соавтором стояла вся советская литературно-идеологическая машина, диктующая и контролирующая каждый шаг писателя. Это стало очевидно с самого начала. Ответ на письмо Синклера готовился почти три месяца. Наконец 5 августа 1938 г. Синклеру написал главред «Интернациональной литературы» Тимофей Рокотов¹⁴ с сообщением, что соавтора ему подобрали: им будет один из крупнейших на тот момент советских прозаиков, член Президиума Союза советских писателей Петр Андреевич Павленко, знаток центральноазиатской, сибирской и дальневосточной тематики, автор романа «На Востоке» (1936), английский перевод которого Рокотов предложил Синклеру прочесть¹⁵. Ясно, что кандидатура долго и тщательно

подбиралась и согласовывалась на всех уровнях — от Союза писателей до партийно-правительственных органов.

Сам П.А. Павленко написал Синклеру еще через месяц, 3 сентября. О том, как готовилось его письмо, дают представление сохранившиеся в РГАЛИ черновые варианты с правкой и записанные от руки на отдельных листах замечания М.Я. Аплетина, зампреда Иностранной комиссии Союза писателей¹⁶. В итоговом варианте, переведенном на английский и отосланном Синклеру, Павленко выражал энтузиазм по поводу задуманного предприятия, соглашался с разделением обязанностей и гонораров и вносил два конструктивных предложения — назвать девушку не Ваней, а Маней, реку Лену сменить на Алдан, поскольку Лена — река еще с царских времен обжитая и освоенная, а Алдан — «первенец советской золотодобывающей промышленности»:

Алданские прииски найдены и созданы советской властью в самые трудные годы, тотчас вслед за окончанием гражданской войны. В 1921 году, когда последние остатки белогвардейских банд генерала Пепеляева бродили по тайге Якутии... группа советских людей... скрываясь от бандитов в становищах тунгусов и ороченов, обнаружила залежи золота на никому не известной реке Алдане. ... Именно здесь в свое время широко была использована американская техника и работали... купленные в САСШ драги... Кстати, именно на Алдане впервые начато земледелие, огородничество и садоводство. До советской власти жители Якутии... не видели и не знали многих домашних животных¹⁷.

Больше всего вопросов у П. Павленко (и всех стоявших за ним инстанций) вызвала придуманная Синклером любовная интрига, отношения главных героев — американского инженера и русской большевички:

... предвижу немало трудностей на пути сближения выдуманной Вами советской девушки-комсомолки с приезжим буржуазным инженером, хотя он и является — по Вашему замыслу — человеком честным и, что называется, хорошим. Опыт нашей двадцатилетней жизни научил всех нас относиться чрезвычайно настроенно к представителям капиталистических фирм. Мы имели случаи наблюдать, как шпионы и вредители ловко маскировались людьми честными и дружески к нам расположенными, а затем на наше доверчивое гостеприимство отвечали низкими злодеяниями. Не легким делом будет нам выдать замуж комсомолку за враждебного ей по мировоззрению буржуазного инженера; ибо для нее брак с иностранцем явится актом политическим, ставящим под сомнение целостность ее общественного характера. Такой брак сразу же низверг бы нашу героиню с ее высокого делового поста и сделал бы ее похожей на сотни беспринципных мешанок;

¹³ «...практики власти в институциональном проявлении (как Литинститут, ИФЗ, разные горьковские журналы, его издательские серии и т.д.), направленные на советских писателей как на политически “ценную” социальную группу, показывают, что писатели были помещены в те же жесткие рамки дисциплины, что и заключенные... Ведь горьковские термины, такие как “перекровка”, “перевоспитание” или даже “социальная опасность”, можно было применить не только для заключенных, но и для писателей. И писатели стали... частью “политического тела” с важной функцией — распространять знания» [8, с. 83].

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 913. Л. 38, 39.

¹⁵ Роман П.А. Павленко вышел в английской версии «Интернациональной литературы» в 1937 г., а на следующий год — в книжном формате в издательстве американской компании: Pavlenko, P.A. *Red Planes Fly East*, transl. by S. Garry. New York, International Publishers, 1938.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 78. Л. 20–24, 190–194.

¹⁷ Там же. Л. 191–192.

увидавшихся вокруг приезжих иностранцев. <...> Этот пункт фабулы мне кажется поэтому наиболее трудным и еще до конца не ясным¹⁸.

В заключительном абзаце своего письма в редакцию «ИЛ» Синклер писал:

Моя просьба к Вам опубликовать это краткое содержание и предложить кому-нибудь из советских писателей стать моим сотрудником. В определении компетенции автора я всецело полагаюсь на Вас. <...> Мне пришла в голову еще такая мысль: может быть, мы могли бы использовать мой замысел для выявления новых литературных талантов в вашей стране? Что, если нам предложить это сотрудничество как премию тому из молодых писателей, кто лучше всех напишет пробную главу на материале любого из сибирских эпизодов романа? Назначьте срок, скажем, два-три месяца, выберите комиссию для прочтения представленных рукописей, глава должна быть размером от пяти до десяти тысяч слов. Я с радостью принял бы в качестве сотрудника победителя такого конкурса; только в этом случае оставляю за собой право корректировать его часть работы, хотя бы для английского издания. Мне кажется, это будет очень благодарный материал для многих молодых писателей, потому что он потребует от них изучения истории СССР и познания их с идеологией капиталистической Америки¹⁹.

Синклер предполагал, что выбор соавтора будет происходить в форме открытого конкурса. Однако советская сторона пошла путем административного назначения, так что просьба Синклера была выполнена только наполовину — та ее часть, что касалась предложения опубликовать синопсис в печати. Присланное Синклером содержание предполагаемого романа было опубликовано 20 сентября 1938 г. в юбилейной подборке «Литературной газеты», посвященной шестидесятилетию Синклера. В следующем номере «ЛГ» от 26 сентября был напечатан ответ Павленко Синклеру. О планирующемся творческом сотрудничестве советского и американского писателей также появился материал в «Известиях» (21 сентября 1938).

Между тем переписка писателей продолжалась. 12 ноября Синклер отправляет Павленко большое письмо²⁰, из которого явствует, что он всерьез усомнился в возможности осуществить задуманный им проект. Он сообщает, что слишком долго ждал ответа на свое первое письмо, и потому занялся сочинением другого произведения, предлагает соавтору пока начать работу над

советской частью романа, более сложной и трудоемкой, чем американская, и вообще явно готовит пути к отступлению:

Я считаю своим долгом оговорить, что если в дальнейшем что-либо помешает мне выполнить мою часть работы, то настоящим письмом я передаю Вам право на эту повесть в СССР. Таким образом ничто из сделанной Вами работы не пропадет даром.

Причина того, что Синклер заметно остыл к идее «Красного золота», очевидна — из первого же письма Павленко сразу стало ясно, что взаимопонимания с советским автором, скорее всего, достигнуто не будет и сработаться вряд ли получится. «Лакмусовой бумажкой» стало мнение советской стороны о любовной интриге в будущем романе.

Тем не менее Синклер делает попытку переубедить советского собрата по цеху и детально разъясняет свой замысел, свое видение того, какое место в романе должна занимать эта интрига. Большая часть его письма посвящена вопросу о «психологии девушки». Излагая свою позицию, он выдвигает убедительные аргументы и демонстрирует изрядную осведомленность о советских реалиях 1920-х годов:

Вы говорите: «Наш опыт за двадцать лет научил нас быть чрезвычайно осторожными в сношениях с капиталистическими фирмами». В этом я не сомневаюсь. Однако... роман между героями, по моему замыслу, должен был происходить лет тринадцать тому назад, а я уверен, что в то время психология была совсем иная. Я знаю многих американцев... участвовавших в реконструкции России, и я много слышал об их любовных историях. Их принимали радушно, без тени подозрения. Мне кажется, мы должны подойти к нашему роману с точки зрения истории, а не пропаганды. <...>

Вы говорите также об их «браке» в Сибири. Если вы внимательно прочтете мой конспект, вы увидите, что он вовсе не предусматривает их женитьбы. ... Я слышал, что к вопросам морали в Советском Союзе стали относиться строго, но в первые годы революции... советскую молодежь влекли идеи «свободной любви». Я имею в виду отнюдь не вульгарную распушенность, а тогдашнее отношение революционно настроенной личности к браку как буржуазному институту, регулирующему государством и церковью. В свое время я знал многих убежденных бунтарей, которые в принципе отказывались от вступления в брак.

Приведя в пример союз Джордж Элиот и Джорджа Генри Льюиса, Синклер заключает:

Я говорю об этом так подробно, чтобы объяснить, как я представляю себе психологию 18–20-летней революционерки того времени. Эта психология должна была сначала возмутить, а потом сбить с толку воспитанного на условностях американского инженера. Я знал таких людей и наблюдал их отношение к женщинам-социалисткам и феминисткам. Для него

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 78. Л. 191. Вычеркнутое в русском исходном тексте письма не вошло в английский перевод, отправленный Э. Синклеру.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 913. Л. 151–152.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 631.11.78. Л. 181–186. Далее все цит. из этого письма даны по этому источнику.

их отношения должны были казаться искушением и грехом, для нее — утверждением ее женских прав. Это и оказалось одной из причин их морального конфликта. <...> Возникновение этого вопроса показывает мне, как трудно нам будет согласовать наши точки зрения и сделать наше произведение монолитным. Препятствия эти кажутся мне непреодолимыми...

Корректируя свои планы, он предлагает другой метод работы, который свел бы к минимуму сотворчество, совместную работу и предоставил бы писателям значительную автономию — так, чтобы каждый из них сочинял свой собственный роман, минимально завися от соавтора:

... мы должны заранее установить, что американская и русская части книги должны быть различны. Вы возьмете материал, которым я вас снабжу, и изложите его согласно своему пониманию событий и характеров; я проделаю то же самое с вашим материалом. На титульном листе русского издания будет написано: «Петр Павленко, консультация и помощь Эптона Синклера». На английском издании: «Эптон Синклер, консультация и помощь Петра Павленко».

Поистине я не вижу других выходов... самое разумное для каждого из нас — писать для своей аудитории... Может быть, когда-нибудь читатели захотят, чтобы оба варианта были переведены и напечатаны параллельно. Такое сравнение может представить интерес для изучающих психологию этих двух различных стран.

Свое обещание снабжать коллегу материалом Синклер принялся выполнять сразу же, не откладывая — именно к этому посланию он приложил копию письма «одного молодого инженера с золотых приисков».

Следующее письмо от Павленко датировано 29 января 1939 г.²¹ Он правильно уловил интенции Синклера: «Ваше большое письмо о нашей будущей книге внушило мне одну невольную мысль: не остыли ли Вы к своему замыслу “Красного золота”?» Цель письма — убедить «отца идеи» не отказываться от создания романа:

Подобной книги еще не было... То обстоятельство, что мы с Вами, находясь на разных материках и в различных социальных системах, оказываемся духовными единомышленниками, только делает наше творческое содружество более принципиальным... Ваша идея объединения могла возникнуть лишь в наше время, в эпоху победы социализма в одной стране. Объединенные общей мыслью показать судьбу золота при социализме и капитализме, мы едва ли испытаем трудности в идейном определении событий и характеров... Ваш проект двух текстов, двух оригиналов мне кажется сейчас сложным, гораздо более сложным, чем единый текст... Если Вы не изменили своему замыслу... то я могу уже начинать, пока Вы заняты.

²¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 78. Л. 187–189.

При этом Павленко настаивает на том, что советская девушка должна непременно одержать идейную победу над буржуазным «спецом»:

Наша девушка — крупная общественная фигура. Ее сближение с чужим по духу и жизненному опыту человеком — явление очень сложное. Оно... могло произойти не ранее того, как приезжий инженер стал ей духовно понятен и близок, перестал являться носителем неизвестного и, может быть, враждебного начала.

У комсомолки именно тех боевых лет, особенно если она была фигурой крупной, передовой, ведущей, желание идеологически властвовать над *жажда идеологического родства* с любимым человеком была сильнее всех остальных чувств... Любовь и политическое вдохновение шли неразрывно, обогащая одно другое. Наоборот, *только одна* физическая близость к духовно неизученному, чужому и, может быть, где-то в глубине души враждебному человеку — должна была создать трещину в душевной цельности самой девушки. Такая неполная любовь была бы для нее любовью неверной, неправильной, вносящей раскол в собственное сознание, умаляющей принципиальность ее, лишаящей ее... уверенности в себе как в носительнице новой правды... Наша Маня могла отдать себя, только победив. Так она будет правдива²².

Далее в черновиках следует выразительный фрагмент, из окончательного варианта исключенный:

В этом случае мы избежим упрощения темы, которое, несомненно, может привести к «тенденциозной пропаганде», как Вы пишете, к плакату и лишает книгу ее исторической правдивости. Но этого не должно случиться. «Джимми Хиггинс» или «Король Уголь» — романы исторические, и в то же время не много на свете книг, насыщенных, как они, прекрасной идейной тенденциозностью.

В РГАЛИ сохранились черновики этого письма со многими слоями правки, сделанной разными «редакторами». Это настоящий палимпсест. Есть и записка Павленко: «Уважаемый тов. Рокотов, я читал письмо тов. Никитину²³ — он не возражает против него. У Аплетина были замечания по письму — по-моему, я их учел. Пожалуйста, прочитайте письмо и Вы».

Неизвестно, понимал ли в полной мере Синклер, что, переписываясь с Петром Павленко, он на самом деле вступает в общение не просто с писателем, собратом по цеху, а с советской литературно-пропагандистской машиной. Но главное он понял: вместо творчества предстоит заниматься пропагандой, вместо воссоздания социально-психологической коллизии — собирать коллаж

²² Вычеркнутое не вошло в английский перевод письма, отправленный Э. Синклеру. Курсивом обозначена правка, внесенная от руки.

²³ А.Е. Никитин — заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б).

из идейных штампов. 16 февраля 1939 г. он пишет письмо²⁴, в котором решительно отказывается от совместного творческого проекта, объясняя отказ началом работы над огромным романом «Конец мира» (он станет первым в цикле из 11 романов о Ланни Бадде, 1940–1953). Синклер сообщает, что дарит идею «Красного золота» Петру Павленко и желает ему успеха. При этом он продолжает спор, который представляется ему принципиальным, и снова излагает свое видение того, как строить любовную линию, чтобы получился роман, а не пропагандистская листовка:

Мне думается, что если наша советская девушка «переубедит» инженера, это сделает роман банальным, и он легко может превратиться в проповедь для воскресной школы – то, что эта проповедь будет... советской по духу, дела не меняет. Боюсь, что Ваша твердая, искренняя убежденность мешает Вам понять трудности перестройки американского капиталистического инженера. Многие приезжали в Советский Союз и увлекались идеей помощи новой цивилизации, но... лишь немногие из них становились коммунистами; собственно говоря, я лично не могу вспомнить ни одного примера. <...>

...если Вы последуете своему замыслу и покажете перестройку этого человека до того, как он сходится с девушкой, то от задуманного мною сюжета – от интеллектуальной и моральной борьбы между мужчиной и женщиной в течение пятнадцати лет – не останется ничего. То, что предлагаете Вы, это, по существу, не роман, а очень интересная и яркая по форме проповедь или выступление пропагандиста. За свою жизнь я написал много таких проповедей, и я вполне понимаю Вас. Но я-то представлял себе действительно роман, настоящую человеческую драму, раскрывающую различие в убеждениях двух наций, которые еще борются и будут долго бороться.

27 марта 1939 г. главред «Интернациональной литературы» Тимофей Рокотов переслал копии переписки Э. Синклера и П.А. Павленко С.А. Лозовскому, директору Гослитиздата (1937–1939) и замнаркома иностранных дел (1939–1946). Это означало, что дело сдается в архив. В мае 1939 г. Павленко послал запоздавший «зеркально-симметричный» ответ Синклеру, в котором выражал сожаление, что тот откладывает идею «Красного золота» и делился своим новым замыслом, возникшим у него во время поездки на съезд писателей Узбекистана:

Узнав, что Вы откладываете идею «Красного золота», я решил сначала писать роман один, но не в том объеме советско-американского романа, как это мыслилось Вашим проектом, а просто роман о советском золоте. Новые рамки книги диктовали новое отношение к материалу, и я занялся им весьма энергично, не намереваясь отвлекаться ничем иным. В самый разгар размышлений о золоте мне пришлось быть

²⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 143. Л. 91–94.

свидетелем события, необычайного по своему высокому вдохновению: 355 узбекских колхозов решили в подарок XVIII съезду ВКП(б) построить своими средствами и своими силами оросительный канал длиной в 22 км. <...> Когда 14 тысяч человек, мужчин и женщин, старых и молодых, вышли в степь, каждый колхоз... со своими певцами и музыкантами – я уже не мог противиться чувству необходимости немедленно взять эту тему.

Видели ли Вы, как идет в пески первая вода?.. Старики погружали в воду руки и благоговейно отирали свои лица, музыканты... бежали за водой, продолжая играть на бегу, а когда не хватало дыхания, потрясали в воздухе инструментами. Это был труд – социалистическое празднество, турнир смелости и ловкости, и я не устоял, и изменил золоту, хотя и продолжаю думать, что изменил временно²⁵.

19 июня Синклер ответил кратким письмом, пожелав Павленко успеха в новом начинании²⁶.

Дальнейшие контакты писателей обозначаются лишь пунктиром, но совершенно очевидно, что они полностью определялись политической ситуацией – отношениями между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Сохранились два фронтовых письма Павленко, в которых он рассказывает Синклеру, как читал его произведение пограничникам и морякам-черноморцам во время поездок на фронт. Письма выдержаны в стиле публицистической риторики и полностью отвечают духу союзнических отношений СССР и США:

Черноморские моряки и я вместе с ними выразили сожаление, что Вы далеко от нас. Наша жизнь строится сейчас на началах такого высокого эпоса, что иной раз чувствуешь себя в контексте былины, легенды... У [нас] вас всегда читали много и жадно, но то, что творится сейчас, не имело места в прошлом: книга стала необходимее хлеба... Именно сейчас видит народ в писателе инженера человеческих душ и требует от него все лучших и лучших «конструкций», потому что читатель хочет расти, не теряя ни часа, ни минуты.

Успехи мирных лет кажутся теперь детскими в сравнении с тем, что мы могли бы сделать, если бы работали так, как научились работать сейчас. Не забывайте нас, мистер Синклер. Ваш советской читатель, а его миллионы и миллионы, любит Вас и всегда помнит. К этому голосу миллионов Ваших друзей я присоединяю свой²⁷.

Вторая мировая сменяется холодной войной; в 1946–1947 гг. в СССР набирает обороты антиамериканская пропагандистская кампания. Агитпроп ЦК формулирует задачи для всех структур идеологического фронта (СМИ, издательства,

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 913. Л. 115–116.

²⁶ Там же. Л. 126.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 913. Л. 187. Без даты, указан год – 1943. Второе письмо – РГАЛИ. Ф. 2911. Оп. 3. Ед. хр. 71.

научные, просветительские организации и т.д.). Первым пунктом указывается на необходимость развернуть кампанию в периодике:

Организовать в газетах «Правда», «Известия», «Труд», «Литературная газета», «Комсомольская газета», журнале «Большевик»... систематическое печатание материалов, статей, памфлетов, разоблачающих агрессивные планы американского империализма, антинародный характер общественного и государственного строя США, <...> показывающих... маразм буржуазной культуры и нравов современной Америки [9, с. 321–322].

Следуя партийно-правительственным указаниям, 1 апреля 1949 г. был принят «Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей», где первым пунктом значится следующее:

Обеспечить создание художественных произведений... разоблачающих американский образ жизни. Привлечь для этого писателей П. Павленко, Н. Вирту, А. Корнейчука, К. Симонова, Л. Леонова, С. Михалкова, И. Эренбурга, В. Василевскую... и др. [9, с. 346]

Павленко – первый в этом списке. 20 апреля 1949 г. в «Литературной газете» выходит его большая разгромная статья «Эптон Синклер – карьерист и клеветник», тема которой – позиция Синклера по вопросам борьбы за мир, отказ писателя участвовать в руководимом из СССР движении сторонников мира, знаком чего было его отсутствие на Уолдорфской мирной конференции, состоявшейся в марте 1949 г. в Нью-Йорке (туда в составе советской делегации приезжал и П. Павленко – вместе с А. Фадеевым, Д. Шостаковичем, кинорежиссерами С. Герасимовым, М. Чиаурели, крупным ученым-биологом, академиком А.И. Опариным).

К визгливому хору политиканов, на все лады восхваляющих Северо-атлантический пакт, присоединил свой голос и Эптон Синклер, с давних пор известный в качестве карьериста и дельца от литературы, который одно время кокетничал с «социалистическими» идеями. Синклер не только одобрил Северо-атлантический пакт... но и позволил себе сделать клеветнические выпады против лагеря прогресса и демократии, против Советского Союза – выпады, полностью заимствованные из арсенала геббельсовско-черчиллевской пропаганды.

В статье сообщается, что «в Эптоне Синклере каждый вершок – карьерист-бизнесмен», что им всегда двигало «неудержимое стремление “выйти в люди”, выслужиться перед “хозяевами жизни” в США», а социализм и все остальное «было только средством к достижению этой вожаемой цели». Несколько абзацев П. Павленко посвящает циклу романов о Ланни Бадде (ради которого

Синклер отказался от «Красного золота») и герою этой эпопеи – «воинствующему космополиту, разведчику-любителю, шпиону по влечению души»:

В полном соответствии с этой точкой зрения на «историческую миссию» крупного канитала, провозглашающего наступление «американского века» в мировой истории, Синклер строит и серию своих последних романов, посвященных событиям Второй мировой войны. <...> Народ полностью отсутствует в этих романах. Мировую историю вершат дельцы. <...> Не менее показательны, что творимая Синклером «сага эпохи» имеет своим героем американского парня, отец которого – торговец оружием, мать – любовница немецкого шпиона, а сам он – спекулянт, промышленный вывозом в Америку художественных ценностей из Европы. Нечего сказать, хороши «граждане мира», рекомендуемые нам «без излишнего шума» Эптоном Синклером.

Статья завершается словами:

Так замкнулся позорный круг жизни Эптона Синклера, открыто пошедшего на службу к торговцам смертью. Готовый на любую циничную ложь во имя бизнеса, Эптон Синклер заслужил презрение всех честных людей.

Это было последней точкой, завершившей историю ненаписанного совместного романа Эптона Синклера и Петра Павленко, их так и не состоявшегося творческого сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sergei Eisenstein and Upton Sinclair: The Making & Unmaking of "Que Viva Mexico!", eds H.M. Geduld, R. Gottesman. Bloomington; London: Indiana University Press, 1970. 499 p.
2. *Богданов К.А.* Негры в СССР. Этнография мнимой диаспоры // Антропологический форум. 2014. № 22. С. 103–142.
3. *Клейн И.* Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время. Пер. с нем. М. Шульмана // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. С. 231–262.
4. *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 568 с.
5. *Бугаева Л.* Наука «воспитания нового советского человека»: Коммуна в жизни и на экране // Новое литературное обозрение. 2022. № 176. С. 80–98.
6. *Шубина Н.В.* К проблеме «перековки» характеров правонарушителей в условиях становления советской пенитенциарной системы (публицистика А.М. Горького 20-х–30-х годов. Введение

- в тему по материалам музейных фондов) // *Acta eruditorum*. 2020. Вып. 33. С. 83–85.
7. Булгакова О.С. Мы из Игарки. По следам авторов и героев книги // *Уральский следопыт*. 1985. № 3. С. 46–55.
 8. Липтак Т. О становлении соцреализма: Максим Горький и начинающие писатели в 1930-х гг. Дисс. ... доктора филос. н. Universität Konstanz, 2012. 259 с.
 9. Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953. Отв. ред. Д.Г. Наджафов. М.: Международный фонд «Демократия»: Материк, 2005. 769 с.
- REFERENCES
1. Geduld, H.M., Gottesman, R., eds. *Sergei Eisenstein and Upton Sinclair: The Making & Unmaking of Que Viva Mexico!* Bloomington; London: Indiana University Press, 1970. 499 p.
 2. Bogdanov, K.A. *Negry v SSSR. Jetnografija mnimoj diaspori* [Negroes in the USSR. Ethnography of an Imaginary Diaspora]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2014, No. 22, pp. 103–142. (In Russ.)
 3. Klein, I. *Belomorkanal: literatura i propaganda v stalin-skoe vremja* [Belomorkanal: Literature and Propaganda in the Time of Stalin], transl. by M. Shulman. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. 2005, No. 71, pp. 231–262. (In Russ.)
 4. David-Fox, M. *Vitriny velikogo jeksperimenta. Kultur-naja diplomatija Sovetskogo Sojuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 568 p. (In Russ.)
 5. Bugaeva, L. *Nauka “vospitanija novogo sovetskogo cheloveka”: Kommuna v zhizni i na ekrane* [Educating the New Soviet Man: Labor-Education Commune in Life and on Screen]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. 2022, No. 176, pp. 80–98. (In Russ.)
 6. Shubina, N.V. *K probleme “perekovki” harakterov pravonarushitelej v uslovijah stanovlenija sovetskoj penitenciarnoj sistemy (publicistika A. M. Gorkogo 20-h–30-h godov. Vvedenie v temu po materialam muzejnyh fondov)* [The Problem of the “Reforging” of the Characters of Offenders in the Formation of the Soviet Penal System (Gorky’s Journalism of the 1920s–1930s: Introduction to the Topic According to the Materials of Museum Funds)]. *Acta eruditorum*. 2020, Issue 33, pp. 83–85. (In Russ.)
 7. Bulgakova, O.S. *My iz Igarki. Po sledam avtorov i herojev knigi* [We are from Igarka. Tracing the Authors and Characters of the Book]. *Uralskij sledopyt* [Ural Stalker]. 1985, No. 3, pp. 46–55. (In Russ.)
 8. Liptak, T. *O stanovlenii socrealizma: Maksim Gorkij i nachinajushhie pisateli v 1930-h gg. Diss. ... doktora filos. n.* [On the formation of Social Realism: Maxim Gorky and the aspiring writers in the 1930s, PhD Thesis]. Universität Konstanz, 2012. 259 p. (In Russ.)
 9. *Stalin i kosmopolitizm. Dokumenty Agitpropa CK KPSS, 1945–1953* [Stalin and Cosmopolitanism. Agitprop Documents, 1945–1953], ed. D.G. Nadzhafov. Moscow: MFD-Materik Publ., 2005. 769 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 13 декабря 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 3 марта 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.

Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on December 13, 2023

Revised on March 3, 2024

Accepted on April 15, 2024

Date of publication: June 30, 2024